

УДК 39 (571)

<https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.37.56>

Виктория Анатольевна Липинская и Алтай: особенности полевой работы московских этнографов в Сибири в 1960–1990-е годы

Т. К. Щеглова*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Рассмотрены полевые исследования русского населения Алтайского края в 1960–1991 гг. ведущего этнографа Виктории Анатольевны Липинской в контексте истории экспедиционной деятельности Института этнографии АН СССР (совр. Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая) в Сибири. Впервые дается оценка деятельности заместителя директора Института этнографии по науке Л. Н. Терентьевой – уроженки Барнаула. Выявляются объективные и субъективные причины обращения к регионам Сибири со стороны столичных этнографов. Анализируются состав экспедиционных выездов, материально-техническое и кадровое обеспечение, критерии выбора территорий и определения маршрутов, методы полевой работы, выявляется территориальный охват полевыми исследованиями.

Ключевые слова: Алтайский край, русские, этнографические исследования, научные экспедиции, ИЭА РАН (ИЭ АН СССР), В. А. Липинская, Л. Н. Терентьева, А. В. Сафьянова.

Для цитирования: Щеглова Т. К. Виктория Анатольевна Липинская и Алтай: особенности полевой работы московских этнографов в Сибири в 1960–1990-е годы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 37. С. 56–73. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.37.56>

Viktoriya Anatolievna Lipinskaya and Altai: Features of the Field Work of Moscow Ethnographers in Siberia in the 1960–1990s

T. K. Shcheglova*

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract The article considers field research of Russian population of Altai Krai (region), carried out in 1960–1991 by the Viktoriya Lipinskaya, in the context of history of expedition activity of Institute of Ethnography of Academy of Sciences of the USSR in Siberia. The research topicality is determined by the fragmentary study of Siberian academic expeditions, problems of formation of ethnographic personnel during the Soviet period, and methods and techniques of ethnographers' field work. The sources of this research are the scientific works by Viktoriya Lipinskaya, based on expeditions materials, as well as materials from the author's own personal archive. Among them there are epistolary sources, interview materials, and memoirs of Viktoriya Lipinskaya. The predominance of documents of personal origin determined the accentuation on under-investigated issues of anthropology of scientific life: the paths of research into ethnographic science, the influence of objective and subjective factors on scientific choice, the ratio of theory and practice in the formation of research competences of young ethnographers. The issues of the organization of expeditions, material and technical support, human and methodological resourcing of field research projects were also considered. The principles of choosing of the research areas and selecting respondents were analyzed, the expedition routing was reconstructed. As a result of the analysis of Viktoriya Lipinskaya biography, closely associated with the scientific life of the 1950–1980s, the contribution of the academic institute to the ethnographic study of the Altai population is assessed, and the influence of subjective and objective factors on the results of academic research is revealed. At the turn of the 1950s and 1960s the formation of research programs was determined by the change of research priorities from the study of "traditionalism" to "innovativeness", interpreted as the influence of socialist modernization on mentality and utility culture of ethnic and social groups in Soviet society. In this context are considered the activities of the director of Institute of Ethnography AS USSR Sergei Tolstov and his deputy Ludmila Terentieva. At the end, conclusions are drawn about the contribution of Viktoriya Lipinskaya to the ethnographic study of the Russians in Siberia.

Keywords: Altai Krai (region), Russian, ethnographic research, scientific expeditions, IEA RAS (IE AS USSR), Viktoriya Lipinskaya, Ludmila Terentieva, Anna Safyanova.

For citation: Shcheglova T. K. Viktoriya Anatolievna Lipinskaya and Altai: Features of the Field Work of Moscow Ethnographers in Siberia in the 1960–1990s. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021, Vol. 37, pp. 56–73. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.37.56> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Специалист по этнологии восточнославянских народов, д-р ист. наук Виктория Анатольевна Липинская является известным российским этнографом. Она родилась 7 ноября 1932 г. в г. Реутово Московской области в семье педагогов. Закончила МГУ, во время обучения начала вести полевые исследования в составе экспедиционных выездов, всю жизнь работает в ведущем научном центре Российской академии наук – Институте этнологии и антропологии (ИЭА РАН). Сначала, в 1955–1959 гг., работала старшим лаборантом, в 1959–1962 гг. обучалась в аспирантуре. В последующие годы она выросла до ведущего научного сотрудника: 1962–1987 гг. – младший научный сотрудник, 1987–1988 гг. – научный сотрудник, 1988–2000 гг. – старший научный сотрудник, с 2000 г. – ведущий научный сотрудник отдела русского народа ИЭА РАН.

Особое место в ее научных исследованиях занимают русские Сибири, и особенно Алтайского края. Ее научным руководителем в аспирантуре была известный специалист по этнографии русских Г. С. Маслова. На ученом совете института утвердили название ее кандидатской диссертации «Современная материальная культура русского населения Алтайского края», соответствующее общему направлению исследований института в те годы. Но, как сказала сама Виктория Анатольевна, она считала, что начинать работу следует с изучения народных традиций, так как иначе «современность повиснет без основы» [ПМА 1]. Русское население Алтайского края оказалось в поле ее внимания и находилось в центре изысканий более 30 лет в результате стечения разных обстоятельств. В первых экспедициях на территории края она принимала участие как аспирант, а в последних, в 1991 г., – уже в качестве одного из ведущих этнографов России. Как она пишет, «экспедиционные исследования московских этнологов в Алтайском крае были начаты в 1960 г. и закончены в 1991 г. За это время было осуществлено 12 экспедиционных выездов (по 2 мес.) непосредственно в сельскую местность, столько же проведено командировочных выездов в различные города Западной Сибири (в том числе в Барнаул и Новосибирск) для работы в центральных и местных архивах...» [Липинская, 2021]. Подсчет показывает, что в совокупности она проработала на Алтае около двух лет.

В настоящей статье рассматриваются становление и деятельность этнографа В. А. Липинской в контексте процессов формирования этнографических кадров в советское время и организации в 1960–1980-е гг. масштабных этнографических исследований населения Сибири ИЭА РАН (до 1991 г. Институтом этнографии Академии наук СССР (ИЭ АН СССР)). Полевые исследования на территории Алтая в советское время прошли ряд этапов. Можно выделить ленинградский этап в 1920–1940-е гг. (экспедиции Ленинградской части ИЭ АН СССР), московский в 1950–1980-е гг. (экспедиции Московской части ИЭ АН СССР; ИЭА РАН) и собственно сибирский этап в 1960–2020-е гг. На первых двух этапах в условиях отсутствия в Сибири собственных профессиональных этнографов исследования велись столичными учеными, на третьем этапе в полевые работы включились местные этнографы, которые, по меткому выражению В. А. Липинской, «выросли из историков». Сначала – из историков ТГУ (школа Г. И. Пелих), затем сформировались этнографические центры в СО РАН (основателями новосибирской школы являлись Ф. Ф. Болонев и Л. М. Русакова) и позже в ОмГУ (школа Н. А. Томилова).

На московском этапе основной формой полевых этнографических исследований являлись экспедиции. Для этнографии населения Алтайского края наибольшее

значение имели изыскания В. А. Липинской, которая принимала активное участие в экспедициях ИЭА РАН и в другие сибирские регионы – Новосибирскую, Омскую, Тюменскую области. Она писала, что обращение к Сибири было связано с тем, что ко времени ее поступления в Институт (в аспирантуру ИЭ АН, 1960 г.) «европейская часть страны была основательно обследована и дирекция посчитала нужным перешагнуть за Урал» [ПМА 1]. На сегодняшний день в истории этнографической науки академические московские экспедиции изучены фрагментарно. Представляется интересным рассмотреть на примере деятельности В. А. Липинской и ее участия в сибирских исследованиях «внутреннюю кухню» организации экспедиций, их комплектования, подготовки профессиональных кадров для полевой работы на обширных сибирских территориях в условиях недостаточного числа профессиональных этнографов.

Таким образом, в статье ставится цель на основе анализа полевых исследований русского населения В. А. Липинской в 1960–1991 гг. определить формы, стратегию и тактику экспедиционной деятельности Института этнографии АН СССР в Сибири. Для этого решается комплекс задач, касающихся как выявления общих тенденций развития отечественной этнографии, так и определения конкретного вклада В. А. Липинской в развитие концептуально-теоретических подходов, методов и результатов полевой работы, уточнения экспедиционных маршрутов и участников экспедиций на Алтае, масштаба полевых исследований. Актуальность определяется как малоизученностью исследуемых вопросов, так и возможностью использования выявленных полевых технологий 1960–1990-х гг. в современной этнографической практике. Впервые автором рассматриваются работа академических этнографических экспедиций на юге Западной Сибири, их хозяйственно-бытовое, кадровое и научно-методическое обеспечение, что определяет новизну исследования. Источниками являются как опубликованные научные работы В. А. Липинской, в которых использованы ее экспедиционные материалы, так и материалы личного архива автора статьи, полученные в ходе работы над проектом по истории полевых исследований по устной истории и этнографии народов Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. Среди них – эпистолярные источники (переписка с В. А. Липинской), источники устной истории (материалы интервью) [ПМА 1], воспоминания В. А. Липинской, написанные ею в соответствии с поставленными в интервью вопросами [ПМА 2].

Преобладание в источниковой базе документов личного происхождения обусловило акцентуацию на исследовании тех вопросов антропологии научной жизни, рассмотрение которых ограничено при использовании других видов источников, – о путях исследователей в этнографическую науку, их научном становлении, влиянии объективных и субъективных факторов на их научный выбор, соотношении теории и практики в формировании исследовательских компетенций молодых этнографов, методах и технологиях полевой работы московских экспедиций, их материально-техническом, кадровом и научно-методическом обеспечении и др. Истоки научной биографии В. А. Липинской, вплетенные в перипетии научной жизни 1950–1980-х гг., открывают новые грани в истории развития отечественной этнографической науки, ее методов и методологических подходов. Для нас важно, что анализ научных биографий ведущих этнографов показывает влияние на становление молодых этнографов работы «в поле». Попытки найти ответы на эти вопросы привели к гипотезе о том, что по сравнению с работой историков в деятельности

этнографов присутствуют романтика полевой работы, удовольствие от поездок и встреч с новыми людьми, другими территориями и иными культурами. Сама Виктория Анатольевна говорила: «Я еще студенткой любила ездить. Меня куда звали, я туда и ехала» [ПМА 1].

Особенности формирования профессиональных этнографов в 1950–1980-е гг. на примере пути В. А. Липинской в этнографическую науку. Коммуникативные особенности этнографической работы, живая работа с людьми как носителями традиций этнических культур часто становились причинами прихода в этнографию специалистов из разных сфер, в том числе с непрофильным образованием. В советское время система подготовки этнографов осуществлялась на базе исторического образования при кафедрах этнографии на исторических факультетах университетов (до 1930-х гг. на географических факультетах географических институтов) через аспирантуру кафедр. Многие известные ученые «пришли в этнографию» далеко не прямыми путями. Среди них специалист по восточнославянской этнографии Западной Сибири д-р ист. наук Е. Ф. Фурсова, которая в 1977 г. закончила инженерно-технологический факультет Московского технологического института, в 1981–1984 гг. обучалась в очной аспирантуре ИАЭ СО РАН (науч. рук. А. П. Деревянко) и в 1987 г. в ИЭА РАН защитила кандидатскую диссертацию по теме «Одежда русского населения Алтая второй половины XIX – начала XX в.». Специалист по традиционной крестьянской и культовой архитектуре Западной Сибири, д-р ист. наук А. Ю. Майничева (окончила архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева) защитила в 1997 г. кандидатскую диссертацию по теме «Архитектурно-строительные традиции крестьянства севера Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Середина XIX – начало XX в.» (науч. рук. И. Н. Гемуев).

Привлекательность предмета и методов работы этнографа привели в эту науку и В. А. Липинскую. В школе и после ее окончания ей было интересно изучение растений и живой природы. Она вспоминает: «С раннего детства интересовалась цветами. Мечтала увидеть все растения мира и объездить все страны. Поэтому в школе были биологические кружки, занятия в МГУ» [ПМА 2]. Профессиональную подготовку она начала на биолого-почвенном факультете (1950–1955) МГУ им. М. В. Ломоносова, сначала по кафедре геоботаники, но окончила университет по специальности «антропология», которую она выбрала после разочарования в ботанике: «Пришлось присматриваться к другим кафедрам факультета, и наиболее перспективной посчитала кафедру антропологии¹, на которой рассматривали самую важную проблему происхождения человека и его расово-генетического развития. Все преподаватели кафедры имели высокие научные степени, а студентов каждый год вывозили на антропологическую или археологическую практику» [ПМА 2].

Тяга к экспедиционной жизни сыграла не последнюю роль в смене образовательной платформы. Полевой опыт В. А. Липинской начался еще в студенческие годы в период обучения в МГУ с работы антрополога в комплексных экспедициях по изучению народов и традиционных культур, что стало важным фактором в ее дальнейшей научной карьере. Комплексные экспедиции, как правило, включали специалистов по этнографии народов (этнографов) и по физической антропологии

¹ Кафедра антропологии располагалась на том же биолого-почвенном факультете Московского университета.

(антропологов). «Перед одним из очередных выездов пришел преподаватель исторического факультета. Ему требовались антропологи для этнографической экспедиции студентов в Карелию. С радостью вызвалась я и моя подруга. Мы обе стремились уехать подальше из Москвы, а удаленная окраина страны, тайга и озера обещали массу новых впечатлений. Наш отряд проехал территорию от Петрозаводска до полуострова Рыбачий» [ПМА 2]. Это позволило ей сравнить особенности работы этнографов и антропологов и в тот первый студенческий выезд, и в последующих экспедициях, в которых она участвовала, уже поступив на работу в ИЭ АН СССР «как молодой, но уже опытный специалист» благодаря тому, что имела опыт полевой работы. «Я окончила биолого-почвенный факультет Московского университета по кафедре антропологии, и, когда я закончила, в это время здесь в институте создавалась русская антропологическая экспедиция. У меня уже была практика, и меня в эту экспедицию включили... С пятьдесят пятого года по шестидесятый год я работала антропологом» [ПМА 1]. Антропологическими экспедициями ИЭ АН СССР по изучению расово-диагностических черт русского народа и выявлению их этногенеза тогда руководил крупнейший специалист, ученый мирового уровня В. В. Бунак, о котором у Виктории Анатольевны остались самые лучшие воспоминания, она подчеркивала его роль в становлении молодых исследователей («требовал от сотрудников четкости и скорости в работе»). «На основе исторических свидетельств он разрабатывал маршруты экспедиций, охватывавших всю европейскую часть страны. Обследования велись по бланкам, разработанным советскими исследователями, что давало возможность сравнения математически просчитанных параметров, внушавших доверие к результатам» [ПМА 2]. Поэтому В. А. Липинская так определяла свой путь в науку: «Начинала-то я с европейской части [не Сибири]. И не как этнограф, а как биолог... Вместе с антропологами я проехала от Архангельской и Вологодской областей до южных степных регионов...» [ПМА 1].

В составе комплексных экспедиций, в которых она участвовала как антрополог, Виктория Анатольевна еще больше увлеклась работой этнографов и «попутно с антропологическими обмерами наблюдала, как менялся быт жителей в разных природных регионах», к изучению которого ее «тянуло все более». Поэтому, как она сама сказала, к ней «этнография пришла... случайно». Но в этой случайности лежала ее тяга к живой работе с людьми. И если в ботанике она разочаровалась, так как «конкретика обучения показала, что наука изучает растения в высушенном или заспиртованном виде, да к тому же разделяя их на части», то вот что она пишет об этнографии: «Меня поразила работа этнографов с людьми. Я смогла увидеть разницу между южными и северными карелами, особенности финнов, а на Кольском полуострове – быт оленеводов. До конца обучения я стала выезжать ежегодно с этнографами. Поработав на русском Севере, в Белоруссии и на Украине, поняла, что именно этнография заинтересовала меня живым общением с людьми и многообразием их быта» [ПМА 2]. Это определило смену научных приоритетов, антропологии на этнографию, и обусловило ее дальнейшую научную судьбу. Она пишет: «Появилось несколько мест, выделенных аспирантуре для этнографов, и вот одно из них заняла я... и поступила в аспирантуру [по этнографии]» [ПМА 1]. А на выбор научной проблематики ее исследований повлияли процессы, которые происходили внутри ИЭ АН СССР. Эти процессы отражали завершение определенного этапа в его деятельности, который условно можно определить как переход от исторической

традиционности к современности с расширением полевой работы и охватом экспедиционными исследованиями новых территорий, ранее мало являвшихся объектами полевой работы московских этнографов, в том числе Сибири, Севера и Дальнего Востока. Эти процессы обусловили и выбор научной темы для уроженки Московской области – этнография русских далекого Алтайского края.

Экспедиционные исследования населения Юга Западной Сибири и роль Л. Н. Терентьевой в формировании алтайских отрядов. Исследования по этнологии русского народа занимали важное место в деятельности ИЭ АН СССР. Велись они в первую очередь сотрудниками отдела русского народа: с 1944 г. в структуре института существовал восточнославянский сектор, состоявший из московской и ленинградской частей; в конце 1986 г. московский сектор получил название сектора этнографии русского народа, в 1990 г. стал именоваться отделом [Буганов, 2011, с. 73]. В 1960–70-х гг. сотрудниками этого и других секторов ИЭ АН СССР разворачиваются масштабные исследования по региональной этнографии в форме комплексных или тематических экспедиций по изучению как коренных народов Севера и Сибири, так и русских сибиряков с выездом из Москвы на время от одного до трех месяцев. Среди причин внимания к русским Сибири в рассматриваемый период можно назвать заинтересованность государства в изучении развития советского сельского общества СССР, выявление тех социально-общественных и культурных изменений, которые должны были происходить под влиянием социалистической модернизации. В этом ракурсе коммунистическую партию и государство стало больше интересовать не то традиционное, что сохранялось от крестьянской цивилизации, а, наоборот, новое, советское, которое формировалось несколько десятилетий в ходе социалистических преобразований. Для реализации этой цели в 1960–70-е гг. осуществлялось финансирование масштабных этнографических исследований сибирских регионов.

Частью этих исследований являлась деятельность Западно-Сибирских отрядов экспедиций ИЭ АН СССР. В. А. Липинская участвовала в экспедиционных выездах на территорию Алтайского края в 1963–1970 гг. (Западно-Сибирский отряд Комплексной экспедиции); в 1978 и с 1987 по 1990 г. (Западно-Сибирский отряд Восточнославянской экспедиции). В 1968 г. была образована Западно-Сибирская экспедиция (позже – Восточнославянская экспедиция), в ее составе действовал Алтайский отряд, который, по сути дела, она возглавила. Менялись названия этнографических отрядов, но главной задачей оставалось изучение русского населения Алтайского края, так как он прочно вошел в сферу научных изысканий молодого этнографа. В этом отношении Алтайскому краю повезло больше других сибирских регионов, где тоже проводились полевые исследования, но не нашлось этнографа, который бы взялся за изучение и написание работ по этнографии населения региона. Один из факторов, способствующих выбору Липинской изучения русских именно Алтайского края, состоял в том, что среди руководителей ИЭ АН СССР была уроженка этого края (г. Барнаул) – Людмила Николаевна Терентьева. Вот как объясняла сама В. А. Липинская, вспоминая роль Л. Н. Терентьевой: «...можно сказать, меня туда [в Алтайский край] направили, когда я поступила в аспирантуру... Тут наша дирекция поменялась, и партийная организация пошла в дирекцию соответственно. У нас заведующая отделом не русских, а восточноевропейской группы [Л. Н. Терентьева]... была у нас партийным боссом, секретарем партийной организации... Ее ввели в дирекцию. Она стала заместителем директора [ИЭ АН

СССР] по научной части... и решила, что надо изучать Алтайский край. И меня туда направили. Она сама уроженка Алтая, и, конечно, ей сразу захотелось кого-нибудь туда направить. А я [как раз] поступила в аспирантуру. Но она [сама] как научный работник больше занималась Прибалтикой почему-то, а не Сибирью... И я договорилась с нашим старейшим сотрудником в восточном, в русском, отделе, чтобы она взяла меня под свое крыло [Г. С. Маслова]. А [Л. Н. Терентьева] уже задумала кого-то направить на Алтай» [ПМА 1].

Речь в материалах интервью идет об уроженке Барнаула, Людмиле Николаевне Терентьевой, одном из ведущих советских специалистов в области этнографии народов Прибалтики, заместителе начальника Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, которая более 22 лет входила в администрацию института, являясь с 1959 г. заместителем директора по научной части. Благодаря ее вниманию к своей малой родине, население Алтайского края попало в фокус исследования московских профессионалов. Произошло это после того, как она возглавила одну из самых крупных в ИЭ АН СССР комплексных экспедиций по изучению изменений социально-бытового и культурного укладов у народов СССР. Как один из руководителей института, в том числе партийной организации, она включилась в реализацию государственно-партийных установок на изучение модернизации сельского общества и процессов формирования советского крестьянства. Частью этих общих проблем являлось изучение трансформации статуса и менталитета советской женщины. В. А. Липинская говорила: «Тема у нее была... хорошо, что я ее избежала, “Изменения положения женщины в годы советской власти”. Как партийный человек [она должна была заниматься ею]. Ну вслед за мной поступила в аспирантуру девушка², которая окончила в университете кафедру КПСС.... Ну ей как раз это подходило. Она тоже защитила диссертацию. Но отдельной публикации [она не издала]. И мою работу долго не публиковали, потому что... член дирекции [Л. Н. Терентьева] сказала, “в одной обложке”³. А та [А. В. Сафьянова] никак не могла написать. Но вот все-таки я прорвалась, эта книжка вышла. Я была этому очень довольна» [ПМА 1]. Таким образом, население Алтайского края попало в сферу научных интересов начинающих московских этнографов – В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой при участии Л. Н. Терентьевой, которая достойна того, чтобы включить ее имя в список знаменитых уроженцев Алтайского края, внесших большой вклад в развитие региональной этнографии.

Судьба самой Людмилы Николаевны довольно традиционна для советских этнографов 1920–1940-х гг. Одной из особенностей развития отечественной этнографии в советское время было привлечение в науку талантливой молодежи из провинций. Достаточно вспомнить, как этнограф Н. П. Дыренкова, выполняя наказ профессора Богораза во время экспедиции по изучению шорцев и телеутов в 1920-е гг., находила кандидатуры из числа молодежи для поступления на этнографическое отделение Географического института Ленинграда [Батьянова, 2020]. Л. Н. Терентьева родилась в Барнауле в 1910 г. (умерла 9 июня 1982 г.). И как многие специалисты, которых готовили для работы в регионе, будучи родом с Алтая, в

² Этнограф, участница многочисленных экспедиций на Урал и в Сибирь, канд. ист. наук Анна Владимировна Сафьянова.

³ Есть предположение, что Л. Н. Терентьевой виделось издание монографии из двух частей – этнографов В. А. Липинской, которая изучала традиционное крестьянское общество, и А. В. Сафьяновой, которая исследовала происходящие изменения в советском крестьянстве, и прежде всего в положении женщин.

1931 г., сразу по окончании исторического факультета Ленинградского университета, она была направлена на работу в Горно-Алтайскую автономную область, которая входила в состав Алтайского края. На Алтае она начала работать в качестве инструктора облисполкома и вскоре возглавила Комиссию по улучшению труда и быта женщин Востока. В этом отношении ее судьба отражала то значение, которое советская власть придавала развитию этнографии. Начиная с 1920-х и в 1930-е гг. направляемые в «нацрайоны» этнографы занимались не только исследованиями, но и улучшением бытовых условий «инородцев» или крестьянства, образованием и воспитанием, в том числе и проявляли интерес к вопросам совершенствования семейных отношений, изменения положения женщин в семье и в обществе.

В некрологе (1980 г.) так писалось про этот период жизни Л. Н. Терентьевой: «В те годы это (Горно-Алтайская автономная область) был один из важнейших участков социалистических преобразований и культурной революции на далеких окраинах бывшей Российской империи... Людмила Николаевна приняла самое непосредственное участие в планомерном переустройстве условий жизни кочевого населения Алтая. Вместе с тем она не прерывала занятий этнографией, работая на общественных началах в Областном краеведческом музее в качестве научного сотрудника. В последующие годы Л. Н. Терентьева становится штатным сотрудником сначала (в 1933 г.) Новосибирского краеведческого музея, затем (в 1935 г.) – Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде...» В начале блокады Ленинграда Людмила Николаевна была начальником команды МПВО музея, в 1942 г. по ледовой трассе Ладожского озера была вывезена с маленькими детьми в эвакуацию, а в ноябре 1942 г. – в Москву⁴. Но только в октябре 1948 г. она вновь вернулась к занятиям этнографией, поступив в аспирантуру ИЭ АН СССР, где специализировалась по этнографии народов Прибалтики [Людмила Николаевна Терентьева, 1982, с. 170].

Так или иначе, но эта история повлияла на научную судьбу двух молодых аспиранток – В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой, которые начали свои научные изыскания на поворотном этапе отечественной этнографии – на рубеже 1950–1960-х гг., который проявился в переакцентуации исследований этнографов «с истории на современность». Подтверждение этому мы находим в интерпретациях В. А. Липинской: «У нас в институте вначале изучали в историческом плане разные народы... Была серия “Народы мира”. Издавали эти тома. Когда мы [В. А. Липинская и А. В. Сафьянова] поступили [в аспирантуру], уже эта серия закончилась, и директор [С. П. Толстов] предложил новую тему – по современности» [ПМА 1]. Таким образом, дирекция института ориентировала молодежь на изучение состояния народов в советское время. А вот выбор региона исследования определялся в данном случае субъективным фактором. А. В. Сафьянова тоже, по-видимому, не случайно попала в поле зрения Л. Н. Терентьевой, так как она, как и сама Людмила Николаевна, была «сибирячка по семейным традициям». Так сложился исследовательский дуэт двух начинающих этнографов – В. А. Липинской, которая стремилась изучать традиции русского крестьянства, и А. В. Сафьяновой, исследующей советские новации через феномен «советской женщины». Рассказывая об экспедициях на Алтай, Виктория Анатольевна называет ее своей «постоянной компаньонкой», «соратницей» и так

⁴ Это спасло ей жизнь. В блокаду Ленинграда умерли многие ведущие этнографы, в том числе внесшие значительный вклад в этнографию населения Алтая А. Г. Данилин (в 45 лет), Н. П. Дыренкова (в 42 года) и другие.

вспоминает этот этап своей научной биографии: «Как только появилась возможность поступить в аспирантуру, я воспользовалась вакансией на место этнографа. И с 1960 г. была включена в состав Восточнославянского отдела института этнографии. Вскоре у меня появилась соратница – А. В. Сафьянова, поступившая в аспирантуру вслед за мной. Мы обе пришли из других специальностей. А. Сафьянова – с кафедры марксизма-ленинизма, а я из биологии». «Для А. В. тема влияния советской власти на женщину в СССР была ближе, именно поэтому А. В. Сафьянову – сибирячку по семейным традициям, взяла под свое покровительство секретарь партийной организации Института Л. Н. Терентьева, родом из Алтайского края. Она предложила новым аспиранткам начать изучение Сибири с южной части, поручив А. В. Сафьяновой – доказать улучшение положения женщин за годы советской власти» [ПМА 2]. В. А. Липинская охарактеризовала совместную работу так: «При экспедиционных выездах мы с А. В. Сафьяновой работали в одних поселениях, но каждая самостоятельно. Однако по некоторым темам наши интересы пересекались и даже в архивах находились общие источники. Например, статистика бюджетных наблюдений содержала не только сведения о приобретении предметов материального быта, но учитывала и затраты времени мужчин и женщин на хозяйственные дела. По подобным материалам мы издавали совместные публикации» [ПМА 2].

Поворот советской этнографии от истории и традиционности к современности и советской инноватике для Виктории Анатольевны расходился с ее научными интересами. Ее тянуло в исторические аспекты этнической культуры, в изучение идентичности и традиционности. Как начинающий исследователь она пыталась отстаивать свои позиции вопреки общей линии по изучению современного состояния народов и культур, находящихся под воздействием советско-социалистической модернизации: «Эту тему (изменение положения женщины) мне как аспирантке... приписали. А я по своей неопытности... не зная, какая ситуация в институте, была не согласна. И я написала себе “Традиционная культура русского населения Алтайского края”. А директор, Сергей Павлович Толстов, из уральских казаков, полковник, командир [улыбается]... эту тему прочитал. А еще надо было рассказывать, как ты эту тему понимаешь. Ну, я понимала, что русский народ туда [на Алтай] переселился, значит... он имеет какую-то историю, с нее и надо начинать. И я сказала, что хочу просмотреть такие-то тематические... отрывки времени этой истории... Он, говорю же, полковник-казак [смеется], когда я выступала с названием своей диссертации и сказала, что я хочу начать с истории, вскочил, как стукнул кулаком по столу: “У нас тема по современности, вписать ей в название современность” [смеется]. Ну вот, все притихли, а я нет, а я возражаю, потому что не знала, что это человек, которому нельзя было противоречить [смеется с теплотой]. Все равно я сделала по-своему» [ПМА 1].

Ориентируясь на традиционную этнографию, так как ее «привлекала народная культура», она «обратилась к старшей сотруднице отдела Г. С. Масловой, считая, что она будет мудрой руководительницей. На ученом совете Института утвердили название, соответствующее общему направлению исследований – “Современная материальная культура русского населения Алтайского края”». Однако В. А. Липинская настаивала, что «начинать работу следует с изучения народных традиций, так как иначе “современность повиснет” без основы» [ПМА 2].

Состав и исследовательские маршруты Алтайского отряда Восточно-Славянской (Западно-Сибирской) экспедиции и роль полевой практики в становлении молодых этнографов. Выезды В. А. Липинской в Сибирь в составе восточнославянского отдела Института этнографии начались в 1960 г., когда был организован Алтайский отряд в составе комплексной экспедиции, которой руководила Л. Н. Терентьева. Важнейшим принципом академических экспедиций было активное участие аспирантов, на которых при наставничестве опытных полеви́ков ложилась основная исследовательская нагрузка. Одной из причин был недостаток профессиональных этнографов при большом масштабе экспедиционной деятельности ИЭ АН СССР, финансируемом государством. Для аспирантов участие в полевых работах в 1950–1970-е гг. являлось важнейшей ступенькой их становления и формирования исследовательских навыков. Так было и в Алтайском отряде, где для организации работы двух аспиранток, обучающихся на кафедре этнографии, от которых ждали серьезных научных результатов, руководителями были назначены имевшие опыт. Ими в условиях недостатка этнографов стали фольклористы. В первой экспедиции (1961 г.) руководителем была Н. С. Полищук⁵, которая занималась сбором фольклора (ее «фольклорные материалы [по Алтаю] так и остались лежать [в архиве]»⁶). В определении этнографа В. А. Липинской для их экспедиции «фольклористы» были «случайными товарищами» относительно изучения культурно-бытовых особенностей русских Алтая. В экспедиции 1965 г. руководителем «был еще один случайный товарищ, Березкая, она тоже фольклорист... которая из экспедиции [на Алтае] не опубликовала [материалы]». Такое взаимодействие этнографов и фольклористов отражало структуру ИЭ АН СССР в те годы, когда «фольклористы всегда работали в тесном контакте с этнографами, участвуя в одних и тех же экспедициях и написании общих трудов» [Отдел русского народа]. Фольклорное подразделение несколько раз в составе ИЭ АН реструктуризировалось, последний раз в 1961 г., когда оно вновь возникло, но не как сектор, а как группа фольклора, которая в 1986 г. вошла в состав сектора этнографии русского народа. Это было логичным преобразованием, так как «в послевоенный период... вне зависимости от того, в каком научном подразделении института они числились... все фольклористы, пришедшие в институт в годы войны и в последующие годы, в той или иной степени занимались и этнографической проблематикой, а некоторые со временем даже переключались на нее полностью». А руководитель группы, В. К. Соколова, была известна «как исследователь исторических жанров русского, а потом и славянского фольклора, а также календарных обрядов и обрядового фольклора» [Полищук, 2003, с. 4–5].

Период становления молодого этнографа В. А. Липинской занял почти пять лет, в том числе включал работу в Алтайском крае – от фондов архивов и музеев края до полевых исследований в среде русского сельского населения. Полученные в 1961–1965 гг. результаты легли в основу ее кандидатской диссертации, которую

⁵ Нинель Саввишна Полищук, известный фольклорист, канд. филол. наук. Защитила диссертацию «Рабочие песни периода подъема массового революционного движения и первой революции в России: (К вопросу о традиции и новаторстве в устно-поэтич. нар. творчестве)» в 1956 г. в МГУ. И как молодой кандидат наук (родилась 17.06.1929) была назначена руководителем экспедиции.

⁶ Была опубликована лишь одна статья: Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае (Современный русский фольклор / отв. ред. Э. В. Померанца. М., 1967. С. 43–52.

она защитила в ИЭ АН СССР в 1965 г. Основное внимание в ней уделялось состоянию культуры русских старожилов Алтайского края. После защиты диссертации ее экспедиционные исследования в Сибири и на Алтае продолжились с охватом культуры других групп русских, которые ей первой удалось выделить, обосновать и ввести в научный оборот.

Выйти на новационные выводы позволили принципы выбора территорий и групп изучаемого населения, исходя, прежде всего, из внимания к традиционной культуре старожильского населения и «старинным» селам. Если в первую поездку молодые этнографы ориентировались на консультации с представителями местных партийно-государственных учреждений, то в последующих – на собственные архивные изыскания. Первая экспедиция начала работу с Шипуновского района, который находится в центре лесостепного Алтая. А в 1965 г. экспедиция проводилась уже на горных территориях. При выборе населенных пунктов роль играли и субъективные факторы. Так, в 1965 г., по воспоминаниям В. А. Липинской, руководитель-фольклорист повезла их сразу на юг. В Чарышский район – Большой Башчелак, Малый Башчелак (рис. 1) и сам Чарыш. Связано это было с тем, что в этом районе работала фольклорная экспедиция из Казани, руководитель которой был известен в кругу фольклористов – Васильев, который «писал о Сибири». «У него была тема по старообрядцам. Он со своими студентами поехал в Чарышский район, и она [Берецкая] с ним договорилась, что они примут нас. У него там была повариха. Он договорился из Алтайского техникума кулинарного [ученица] – очень вкусно готовила. И мы вот вместе с ними проводили это время» [ПМА 1]. Сам по себе этот факт говорит о широких экспедиционных исследованиях на Алтае – этнографов и фольклористов; о том, что между разными выездными группами существовали связи – они могли присоединяться друг к другу или переезжать из одного района исследования в другой. Так, Виктория Анатольевна вспоминает об этнографе, который работал в Средней Азии и перебрался к ним в Горный Чарыш⁷.

После обследования старожильского населения Горного Чарыша этнографическая экспедиция выехала для изучения других групп русских старожилов. «Потом мы оттуда уехали, потому что мне нужно было посмотреть разные территории. И поехали в Зеркалы... Это вот старинное село, которое я знала. Я уже познакомилась с архивом...» Переезды этнографической экспедиции из лесостепной части Алтая в горную, из него в степь и опять в горы отражал научные подходы выявления и изучения русского населения в разных природно-климатических и этнокультурных зонах. Виктория Анатольевна так шутливо его определила: «Мы все время метались. Начали со степной стороны, со степной части. Потом мы поехали на юг, в Чарышский район». «Мне была нужна равнинная территория и там, где живут старожилы. А потом мы поднялись повыше, там, где “Россия” [известный колхоз Змеиногорского района] – Третьяковский район – казачество: Староалейское, Новоалейское, Верхалейское... Да, вот проехали по всему этому Алею, и там же рядом с ними находились и “поляки”⁸. Что меня удивляло» [ПМА 1].

⁷ Речь идет об известном этнографе Владимире Николаевиче Басилове, который с 1987 г. заведовал сектором Средней Азии и Казахстана ИЭ АН СССР.

⁸ «Поляки» – группа русских старообрядцев, скрывшихся после раскола за границу и высланных из Польши на Алтай после ее раздела в 1763–1765 гг.

Рис. 1. Экспедиция московских этнографов, 1965 г. Село Малый Башцелак, Чарышский район, Алтайский край. В. А. Липинская первая в первом ряду. Фонды Чарышского краеведческого музея

Само по себе появление столичных ученых из Академии наук в сельских обществах сибирских регионов было неординарным событием. Эксклюзивность этнографической науки и столичный статус этнографов служили благоприятными факторами для работы московских экспедиций в сельских районах Алтайского края и способствовали успеху полевых исследований. В. А. Липинская определяла: «Наша научная работа и представительство от Москвы раскрывали двери учреждений и вызвали уважение к работе этнологов. А я также видела в местных жителях героев, покоровивших сибирские просторы. Специалистов-этнографов при начале нашей работы в Сибири не было, и наш отряд являлся первооткрывателем глубин русской народной культуры, а мы в своих поездках являлись пропагандистами этой науки» [ПИМА 2]. Закреплял эффект столицы принцип взаимодействия с местными партийно-государственными учреждениями. «По приезде в населенный пункт мы представлялись местному руководству (я – в Исполком, Сельский совет, а А. В. Сафьянова – по партийной линии). Тут же мы получали первые сведения о хозяйственной специфике и об интересных для нас информаторах» [ПИМА 2]. Многие вопросы решались через устанавливающиеся деловые контакты между московскими этнографами и партийно-государственными органами власти разного уровня – от крайкома и крайисполкома до администрации колхоза и совхоза.

Важной особенностью работы московских экспедиций в Сибири в 1960–1990-е гг. являлось кадровое обеспечение. В их состав включали специалистов, позволяющих выявлять и фиксировать многостороннюю источниковую информацию. Техническая поддержка в те годы, когда отсутствовали диктофоны и видеокамеры, была ограничена фотоаппаратами. Запись устной информации (опросы, фольк-

лорно-обрядовые тексты) велась вручную. А вот фиксация таких источников материальных традиционной культуры, как вышивка (рушники, одежда), роспись (домовая, прялочная и т. д.), традиционная мужская и женская одежда и др., требовала не только фотофиксации. В то время фотокамеры в массовом порядке выдавали черно-белую продукцию, что требовало включения в работу этнографов методики сохранения цвета. Цветные фотокамеры начали входить в употребление и использовались этнографами, но качество фотоснимков было слабым. Именно поэтому в экспедиционных исследованиях 1950–1980-х гг. в состав экспедиций включали художников для прорисовки цветных деталей с сохранением и рисунка, и декора, и цвета, для выполнения чертежных работ (рис. 2). Для обеспечения этнографических экспедиций художниками в штатах ИЭ АН выделялись ставки для трудоустройства⁹. В период массовых этнографических исследований при недостатке собственных художников Институт нанимал их со стороны, так же как и фотографов. Для работы с русским населением Алтайского края в состав выездных отрядов в 1960-е гг. включали художника М. М. Санникова¹⁰, в 1970–1980-е гг. – В. И. Агафонова¹¹ [ПМА 2]. После экспедиции иллюстративные материалы сдавались в архив института. Хотя и сами этнографы могли участвовать в прорисовке декоративных элементов и заниматься фотофиксацией, но, по определению Виктории Анатольевны, «всего лишь как любители... с первого года аспирантских выездов».

Рис. 2. В. А. Липинская и художник Ю. Решанов за определением покроя одежды. 1965 г. Из личного архива В. А. Липинской

⁹ Такая же практика, как известно, существовала и у археологов. Например, в экспедиции С. И. Руденко на Пазарыкских курганах работала В. М. Сунцева, чьи зарисовки стали иллюстрациями в монографиях археологов.

¹⁰ Про него В. А. Липинская говорила: «Свою жизнь он начал беспризорником, потеряв семью в годы революции. Советская армия в годы войны стала его домом, а по ее окончании он прослушал художественные курсы при кукольном театре С. Образцова. М. Санников одинок и с удовольствием выезжал в экспедиции, обретая в отрядах как бы семью, поэтому он с интересом участвовал в хозяйственных делах».

¹¹ Он тоже был уже «пожилой и такой же одинокий. Он уже устал от поездок и работал весьма формально, даже оказавшись в центре крестьянской живописи. Достигнув пенсионного возраста, забросил рисование и начал писать воспоминания».

Материально-техническое обеспечение экспедиционной деятельности Алтайского отряда и роль С. П. Толстова. Частью подготовки экспедиций являлось решение транспортных вопросов. Оценка масштаба экспедиционной деятельности в первой половине 1960-х гг. свидетельствует о больших расстояниях, которые преодолевала экспедиция на Алтае. В. А. Липинская, описывая свою работу, вспоминала в 1965 г.: «...у меня выявились проблемы с ногами, и, когда я приехала на Алтай и увидела, какие там огромные расстояния! Ну, в европейской части мы ходили пешком с рюкзаком. Но потом нам дали на русскую экспедицию машину из гаража Академии наук. Давали геологам и антропологам эти машины. На Сибирь посмотрела, и здесь дороги не меньше трехсот км... Были антропологические расстояния, триста км не очень-то пройдешь» [ПМА 1]. Транспортное обеспечение этнографических экспедиций в Алтайском крае она связывает с С. П. Толстовым и высоко оценивает его вклад в создание условий для экспедиционных исследований в Сибири. «Все поездки сотрудников Института были хорошо организованы. Этим мы обязаны первому директору, приступившему к руководству после окончания Отечественной войны, – С. П. Толстову. Археолог по образованию, человек гениального ума и неиссякаемой энергии, он включил новое учреждение в состав выездных, как геологов и археологов, работавших вдали от населенных пунктов». Поэтому в 1960–70-е гг. «выезжавшим отрядам полагалась машина из гаража Академии наук». «Кроме того, можно было закупить продукты на продовольственной базе, что в те годы было весьма существенно. Нас снабжали также палатками, спальными мешками и рюкзаками. Для проведения опросов выдавали “Полевые дневники”, тетради, карандаши, миллиметровую бумагу для выполнения чертежей и прозрачную кальку для снятия копий» [ПМА 2].

В том числе в Алтайский край «в первый рекогносцировочный выезд отряду была предоставлена грузовая машина “ГАЗ-51”. Ее переправляли по железной дороге в Барнаул» (рис. 3). В тех экспедициях, когда «возникали затруднения с академической автобазой... арендовали автобусы (“ПАЗ”) в местных автохозяйствах. Когда и этого не получалось, передвигались “на перекладных”» [ПМА 1]. Транспортное обеспечение давало преимущества не только для расширения территории полевых исследований, но и для организации быта, в том числе позволяло любоваться природными памятниками Верхнего Приобья. «Наличие машины давало нам возможность покрывать большие расстояния по маршрутам, а кроме того, иногда выезжать на обеденный перерыв, а в редкие выходные дни – на берег реки или озера в ближайшей местности» [ПМА 2]. Анализ ссылок на полевые исследования в двух монографиях по этнографии русского населения в Алтайском крае [Липинская, 1987, 1996] показывает, что исследованиями Виктории Анатольевны охвачена значительная территория, включающая такие районы, как Третьяковский, Шипуновский, Крутихинский, Солонешенский, Усть-Пристанский, Курьинский, Косихинский, Каменский, Поспелихинский, Красногорский, Славгородский, Змеиногорский, Чарышский, Тогульский, Солтонский, Мамонтовский, Третьяковский.

Обсуждение

Выявление и анализ экспедиционных маршрутов В. А. Липинской позволяют говорить о ее авторских научных подходах в контексте теоретико-концептуального развития этнографии в 1950–1980-е гг. Они заключаются в рассмотрении формиро-

вания русских юга Западной Сибири в разных природно-климатических зонах и выявлении региональных особенностей в материальной и духовной культуре, семейной и календарной обрядности, в питании и народной медицине в соответствии с выделением различных локальных и этноконфессиональных групп русских Алтайского края. В результате ею были охвачены все аспекты традиционной культуры русского населения, разработано и введено в региональную этнографию деление русского населения на старожилов и переселенцев, определены основные направления расселения и формирования этнокультурных групп русских, выявлены и проанализированы особенности их хозяйственно-бытовой культуры.

Рис. 3. Экспедиция московских этнографов, 1965 г. Село Малый Башцелак, Чарышский район, Алтайский край. В. А. Липинская в центре второго ряда. Фонды Чарышского краеведческого музея

В русле исследований по этнографии русских она внесла большой вклад в изучение русских старообрядцев. Уникальными являлись подготовка и издание Русского старообрядческого лечебника, который Виктория Анатольевна увидела во время одного из посещений Алтайского краевого краеведческого музея [Леонтьева, Липинская, 2006]. Сама она называет процесс подготовки его к изданию «длительной историей», которая уходит корнями в 1960-е гг., когда она аспиранткой увидела рукопись в выставочной витрине Алтайского государственного краеведческого музея. Она вспоминает: «Он [лечебник] запал мне в душу при первом посещении краеведческого музея в Барнауле. В центре зала в тот год стояла большая стеклянная витрина. На уровне глаз установлена была книга с голубыми страницами и черными старинными письменами. Это были народные лечебные рецепты, а при каждом – яркий цветной рисунок. Я больше ничего не видела» [ПМА 1]. И уже спустя почти 40 лет вместе с преподавателем Московского педагогического института Галиной Александровной Леонтьевой – специалистом по археографии XVII–XVIII вв. рукопись была расшифрована и опубликована. Сама она называет ее публикацию самым важным в ее научной биографии: «Я считаю, что самое интересное, что я сделала по Алтаю» [ПМА 1]. Сейчас эта рукопись является достоянием национальной культуры.

Изданные В. А. Липинской многочисленные научные материалы являются важнейшей частью исторической науки Алтайского края [Липинская Виктория Анатольевна, 2020; Липинская Виктория Анатольевна]. К сожалению, изучаемые аспекты этнической истории и этнографии не получили до сих пор подобающего внимания со стороны регионального исторического сообщества. Об этом говорит и недавно изданный обобщающий труд [История Алтая, 2019а, 2019б, 2019в]. Можно провести параллели с ситуацией последней четверти XX столетия, когда была осуществлена первая попытка издания общей работы [История Алтая, 1995]. Эта книга во время приезда на презентацию монографии в Барнаул попала в руки В. А. Липинской, которая отметила недостаток в ней этнокультурной информации. Вот как она об этом вспоминает: «Когда она [ее монография] поступила на Алтай, я туда приехала... В издательстве Барнаульском... только выпустили книгу “История Алтая”... [Она] заинтересовала... и я ее полистала... и говорю – а крестьянства-то здесь нет. Я к ним пришла и говорю: “Скажите, пожалуйста, вот население Алтайского края, как оно по социальным группам различается? Сколько крестьян, сколько рабочих?” Он [редактор издательства]: “Крестьяне – это основная часть, больше семидесяти процентов”. Я говорю: “Посмотрите на то, что вы издали. А здесь где крестьяне?” Ну вот рассказали мы о своей работе. Он, конечно, “Напишите нам, напишите”» [ПМА 1]. Именно по этим причинам ее работы до сих пор закрывают огромную информационную нишу и имеют большое значение для организации и развития исследовательской работы как в профессиональной среде, так и среди студентов и школьников. На разного рода конференциях, начиная от общероссийской программы «Шаг в будущее» и заканчивая региональными мероприятиями, цитируемость работ Виктории Анатольевны является одной из самых высоких. В этом отношении известный исследователь-этнограф своими исследованиями открывает дорогу в науку для молодежи.

Выводы

На протяжении XX столетия большой вклад в полевые исследования населения Сибири и формирование источниковой базы внесли московские этнографы ИЭА РАН. Основными формами работы являлись продолжительные по времени и комплексные по составу экспедиции. Одним из факторов являлся недостаток профессиональных этнографов, которые проходили становление в период обучения в аспирантуре через их включение как самостоятельных исследователей в экспедиционную работу, руководителями которой часто выступали «остепененные» фольклористы, а помощниками этнографов являлись художники и фотографы. На протяжении 1950–1970-х гг. формирование состава экспедиций и направлений их полевых исследований были обусловлены методико-методологическими поисками этнографической науки в контексте противоречивого партийно-государственного влияния на формирование условий экспедиционной деятельности и выбор научных траекторий. Это проявлялось, с одной стороны, в достаточном финансировании масштабной полевой работы с обеспечением исследователей-полевиков всем необходимым – от грузовой машины до тетрадей и карандашей. С другой стороны, этнографам приходилось считаться с «заказом» государства на исследования современного состояния и развития населения СССР, с акцентуацией на выявлении результатов социалистической модернизации. Особенно это влияло на выработку

программ и концепций развития Института этнографии и позиции его руководителей – директора С. П. Толстова и заместителя по научной части Л. Н. Терентьевой. Эти выводы сформировались на основе анализа деятельности ведущего этнографа В. А. Липинской, ее пути в этнографию от ботаники через антропологию, с определением ее научных изысканий от современной традиционной культуры русских Алтайского края к историческим аспектам ее формирования и развития в контексте перманентных миграций на территорию Алтая и формирования локальных групп русского населения. Новациями проведенного исследования являются антропологические аспекты экспедиционной жизни – особенности взаимоотношений членов экспедиции, бытовые условия работы и отдыха. Они показывают масштабность экспедиционной деятельности Института этнографии, когда одновременно работали «в поле» экспедиции из разных регионов РСФСР и союзных республик, что не мешало исследователям общаться друг с другом и оказывать помощь. Традиции тесного общения этнографов переросли в 1990-е гг. в учреждение Конгресса антропологов и этнологов, благодаря которому сформировалось единое научное этнографическое пространство.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Интервью, проведенное в 2019 г. в ИЭИ РАН, г. Москва (информант – В. А. Липинская, 1932 г. р.)

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Рукопись «Научные интересы и труды. Воспоминания», автор В. А. Липинская.

Список литературы

- Батянова Е. П. Алтайская этнография в письмах // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (42). С. 99–111.
- Буганов А. В. История и этнография русского народа в исследованиях Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН // Вестник Российской нации. 2011. № 1-2. С. 74–84.
- История Алтая. В 3 т. Т. 1. Древнейшая эпоха. Древность и Средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019а. 391 с.
- История Алтая. В 3 т. Т. 2. Алтай в конце XVII – начале XX в. / под общ. ред. В. А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алт. университета, 2019б. 299 с.
- История Алтая. В 3 т. Т. 3. Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под общ. ред. Е. В. Демчик. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019в. 483 с.
- История Алтая : учеб. пособие. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 года / отв. ред.: А. П. Анашкин, В. А. Скубневский. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. 478 с.
- Леонтьева Г. А., Липинская В. А. Русский старообрядческий лечебник. М. : Археодоксия, 2006. 128 с.
- Липинская В. А. Изучение русского населения Алтайского края московскими этнологами // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (47). С. 97–118.
- Липинская В. А. Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В. А. Александров. М. : Наука, 1987. 224 с.
- Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – нач. XX в. М. : Наука, 1996. 267 с.
- Липинская Виктория Анатольевна // Полевые исследования по этнографии и устной истории Алтайского края в 1950–2010-е гг. : библиогр. темат. науч.-вспомогат. указ. / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул : АлтГПУ, 2020. С. 139–152.
- Липинская Виктория Анатольевна // Полевые исследования по этнографии и устной истории на территории Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. URL: <https://etnografy.altspu.ru/2020/03/13/липинская-виктория-анатольевна/> (дата обращения: 20.08.2021).
- Людмила Николаевна Терентьева (1910–1982) // Этнографическое обозрение. 1982. № 5. С. 166–172.

Отдел русского народа // Институт этнологии и антропологии РАН. URL: http://old.ica.ras.ru/structure/russian_studies_dept.html (дата обращения: 20.08.2021).

Полищук Н. С. Из истории отдела этнологии русского народа ИЭА РАН // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 3–11.

References

- Anashkin A. P., Skubnevskii V. A. (Eds.). *Istoriya Altaya: uchebnoe posobie [History of Altai: textbook]*. Barnaul, Altai State University Publ., 1995, Part 1. S drevneishikh vremen do 1917 goda [From ancient times to 1917], 478 p. (In Russ.)
- Batiyanova E. P. Altaiskaya etnografiya v pismakh [Altai ethnography in letters]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]*. 2020, Vol. 1, pp. 99–111. (In Russ.)
- Buganov A. V. Istoriya i etnografiya russkogo naroda v issledovaniyakh Instituta etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN [History and Ethnography of the Russian people in the research of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of RAS]. *Vestnik Rossiiskoi natsii [Bulletin of the Russian nation]*. Moscow, 2011, Vol. 1–2, pp. 74–84. (In Russ.)
- Demchik E. V. (Ed.). *Istoriya Altaya [History of Altai]*. Barnaul, Altai University Publ., 2019, Vol. 3. Altai v noveishuyu epokhu (XX – nachalo XXI veka) [Altai in the modern era (XX – the beginning of the XXI century)], 483 p. (In Russ.)
- Leontieva G. A., Lipinskaya V. A. *Russkii starobryadchskii lechebnik [Russian Old Believer Clinic]*. Moscow, Archeodoxia Publ., 2006, 128 p. (In Russ.)
- Lipinskaya V. A. *Russkoe naselenie Altaiskogo kraja: narodnye traditsii v materialnoi kulture (XVIII–XX vv.) [The Russian population of the Altai Territory: folk traditions in material culture (XVIII – XX centuries)]*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 224 p. (In Russ.)
- Lipinskaya V. A. *Starozhily i pereselentsy: Russkie na Altae, XVIII – nachalo XX v. [Old-timers and settlers: Russians in Altai, XVIII – early XX century]*. Moscow, Nauka Publ., 1996, 267 p. (In Russ.)
- Lipinskaya V. A. Izuchenie russkogo naseleniya Altaiskogo kraja moskovskimi etnologami [Study of the Russian population of the Altai Territory by Moscow ethnologists]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]*. 2021, Vol. 2, pp. 97–118. (In Russ.)
- Lipinskaya Viktoriya Anatolievna [Lipinskaya Viktoria Anatolievna]. *Polevye issledovaniya po etnografii i ustnoi istorii Altaiskogo kraja v 1950–2010-e gg.: bibliograficheskii tematiceskii nauchno-vspomogatelnyi ukazatel [Field research on ethnography and oral history of the Altai Territory in the 1950–2010s: bibliographic thematic scientific auxiliary index]*. Barnaul, 2020, pp. 139–152. (In Russ.)
- Lipinskaya Viktoriya Anatolievna [Lipinskaya Viktoria Anatolievna]. *Polevye issledovaniya po etnografii i ustnoi istorii na territorii Altaiskogo kraja vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [Field research on ethnography and oral history in the Altai territory in the second half of the XX – early XXI century]*. Available at: <https://etnografy.altspu.ru/2020/03/13/липинская-виктория-анатольевна/>
- Lyudmila Nikolaevna Terentieva (1910–1982) [Lyudmila Nikolaevna Terentieva (1910–1982)]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 1982, Vol. 5, pp. 166–172. (In Russ.)
- Otdel russkogo naroda [Department of the Russian people]. Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology RAS]*. Available at: http://old.ica.ras.ru/structure/russian_studies_dept.html (In Russ.)
- Polishchuk N. S. Iz istorii otdela etnologii russkogo naroda IEA RAN [From the history of the department of Ethnology of the Russian people of the IEA RAS]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2003, Vol. 6, pp. 3–11. (In Russ.)
- Skubnevskii V. A. (Ed.). *Istoriya Altaya [History of Altai]*. Barnaul, Altai University Publ., 2019, Vol. 2. Altai v kontse XVII – nachale XX v. [Altai at the end of the 17th – beginning of the 20th century], 299 p. (In Russ.)
- Tishkin A. A. (Ed.). *Istoriya Altaya [History of Altai]*. Barnaul, Altai University Publ., 2019, Vol. 1. Drevneishaya epokha. Drevnost i Srednevekovie [The most Ancient Era. Antiquity and the Middle Ages], 391 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Щеглова Татьяна Кирилловна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет; Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
e-mail: tk_altai@mail.ru

Information about the author

Shcheglova Tatiana Kirillovna

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Russian History Chair, Altai State Pedagogical University; 55, Molodezhnaya st., Barnaul, 656031, Russian Federation
e-mail: tk_altai@mail.ru